

Анна Сорока
Соня Миронова

**МОЙ
ОПЕР**
Чужая кровь

Соня Миронова

Мой опер. Чужая кровь

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой опер. Чужая кровь / С. Миронова — «Автор», «Автор»,
2026

Я уехала в таёжную глушь после предательства жениха и больше не собиралась доверять мужчинам. Здесь я просто хирург. Пока однажды ночью на мой стол не попадает человек с пулей в груди, а в больницу не врываются бандиты. Я спасла свидетеля — теперь убить хотят и меня. Капитан уголовного розыска Алексей Громов появляется в дверях операционной раньше, чем раздаётся следующий выстрел. Забирает меня в свой дом. Кормит горячим ужином. Ложится у порога с оружием, чтобы я могла уснуть. За его спиной впервые не страшно. Страшно другое: снова поверить, снова захотеть быть любимой. Но против нас не только хозяйева тайги — в полиции тоже есть те, кто ждёт нашей смерти.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Огнестрел в полночь	6
Глава 2. «Я заступил на смену»	9
Глава 3. Прорыв под дождём	13
Глава 4. Таёжное гнездо	16
Глава 5. Пока я жив	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Сорока

Мой опер. Чужая кровь

Мой опер. Чужая кровь
Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1. Огнестрел в полночь

К полуночи дождь над Береговым перешел в тот сплошной, гулкий таёжный ливень, от которого стынет железо на крышах и кажется, что весь остальной мир за пределами приречной полосы просто смыло в черную ледяную воду.

Я сидела в ординаторской приёмного покоя, обхватив обеими ладонями толстостенную фаянсовую кружку с остывшим зверобойным чаем. Сквозь мутное, иссеченное струями стекло оконной рамы двор районной больницы казался заброшенным островом: кривой деревянный забор, темные силуэты вековых сосен и размокшая колея, блестящая лужами цвета сырой нефти. В старом бревенчатом корпусе пахло сушеной полынью, карболкой и сырыми дровами, которые дежурная санитарка с вечера сложила у печной заслонки. Мои пальцы все еще хранили холод металлического скальпеля после вечерней резекции флегмоны у местного сплавщика, но внутри было тихо. Той странной, вымороженной тишиной, ради которой я три месяца назад сожгла за собой все мосты в областном центре, собрала один кожаный чемодан и уехала земским хирургом в эту непролазную сибирскую глушь.

Глухой, сотрясший всю входную коробку удар в наружную дубовую дверь приёмного покоя заставил чай в кружке пойти мелкой рябью.

Следом загрохотал железный засов, словно в него били плечом или прикладом.

— Полина Андреевна! — в ординаторскую метнулась Тамара Васильевна, наша старшая операционная сестра. Ее полное, привыкшее к любым деревенским бедам лицо было серым от внезапного страха. — Там лесник... Еремеич с кордона. Волоком кого-то прет, вся терраса в кровище!

Я поставила кружку на стол и уже на ходу затягивала завязки свежего хлопкового фартука поверх зеленого хирургического костюма. Страх — непозволительная роскошь для хирурга. Когда открывается дверь со двора, внутри меня словно опускается тяжелая заслонка: остается только глаз, рука и ледяная мышечная память.

В тамбуре пахло мокрой собачьей шерстью, болотной жижей и тяжелым, сладковато-металлическим духом свежей человеческой крови. Старый лесник Еремеич, в распахнутом брезентовом плаще, с которого ручьями стекала вода, стоял на коленях у брезентовых носилок. Его руки в заскорузлых брезентовых рукавицах ходили ходуном. На носилках лежал грузный мужчина в разорванном, пропитанном черной гарью и соляжкой стеганом ватнике. Лицо раненого имело страшный, пепельно-восковой оттенок, губы пузырились розовой пеной, а из-под разорванной на левом плече ткани толчками сочилась темная венозная кровь.

— Докторша, милая... принимай, — задыхаясь, сипел Еремеич, дико озираясь на темный дверной проем. — На сорок седьмом километре его подобрал... в кювете у лесовозного уса. Палили в него... Зубовские волки на двух уазиках по пятам шли! Сюда они прут, докторша, слышишь?! Бросать его надо, они ж больничку по бревну раскатают!

Лесник дернулся к выходу, готовый бросить носилки прямо на пороге.

— Стоять! — мой голос хлестнул по тамбуру так резко, что старик замер, втянув голову в плечи. — Взялся за поручни. В операционную. Живо!

Я шагнула к тяжелой наружной двери, захлопнула ее, отсекая ночной ветер, и с лязгом опустила кованный брус в железные проушины. На секунду мой взгляд скользнул в узкую щель остекления: сквозь косые полосы ливня во двор районной больницы медленно, почти бесшумно вползала служебная темно-зеленая полицейская «Нива». Ее левая фара была разбита, а правая резала тьму тусклым желтым лучом, выхватывая лужи и осклизлые ступени. Машина остановилась в тени старой лиственницы у забора, но мотор не заглох.

— Значит, охота, — тихо сказала я сама себе. В груди натянулась жесткая струна. — Тамара, каталка! Подачу кислорода и систему на ноль-девять хлорида. Быстро!

В операционной пахло озоном от бактерицидных ламп и стерильным паром автоклава. Мы перебросили обмякшее, тяжелое тело на узкий операционный стол. Раненый хрипел, его грудная клетка на вдохе втягивалась с левой стороны — классический клапанный гемопневмоторакс.

— Давление пятьдесят на тридцать, пульс сто сорок, нитевидный! — крикнула Тамара, накладывая манжету тонометра. — Полина Андреевна, он уходит!

— Корнцанг, спирт, скальпель, — приказала я, сдирая зубами бумажную обертку со стерильных перчаток.

Я разрезала ватник вдоль шва и отбросила его на табурет. В четвертом межреберье слева зияло круглое входное пулевое отверстие с опаленными краями. Грудная клетка была напряжена, средостение смещено вправо.

— Скальпель.

Лезвие вошло в кожу привычно и мягко. Широкий разрез по межреберью. Едва я рассекла плевру, как наружу с глухим свистом вырвался воздух, и следом хлынула темная кровь, заливая мои перчатки и край простыни. Хирургический электроотсос взвыл, захлебываясь сгустками. Стеклобанная банка аспиратора на глазах наполнялась багровой жижей — двести миллилитров, пол-литра, литр...

— Давление сорок! — голос Тамары сорвался. — Аспиратор забился!

Кровь билась пульсирующей мощной струей из глубины раневого канала — разорвана ветвь подключичной артерии. Если я упущу этот сосуд, через полторы минуты наступит клиническая смерть.

Отбросив забившийся наконечник отсоса, я без колебаний погрузила правую руку прямо в раневую полость, между разведенными ребрами, и подушечкой указательного пальца вслепую, ориентируясь только по бешеному пульсирующему биению, прижала поврежденный сосуд к внутренней поверхности первого ребра.

Струя оборвалась. На операционном поле наступила мгновенная тишина, нарушаемая только сильным свистом в трахее пациента. Моя кисть оказалась намертво заблокирована внутри чужой разорванной плоти.

— Тамара, зажим Бильрота. Слева от моего пальца. Будем шить вслепую.

Сестра протянула блестящие бранши инструмента. И в эту самую секунду потолочный бестеневой светильник мигнул, затрещал, и больница погрузилась в абсолютную, непроглядную тьму.

Вместе со светом заглух гул электросети. Снаружи, со стороны трансформаторной будки у забора, донесся сухой треск разорванного кабеля и короткий хлопок. Диверсия. Нас отрезали от энергии намеренно.

— Господи Иисусе... — выдохнула во тьме Тамара Васильевна.

— Фонарь! — отчеканила я, не сдвинув прижатый к ребру палец ни на миллиметр. — На лоб, Тамара. Свет в рану!

Щелкнул выключатель налобного светодиодного фонаря сестры. Узкий, мертвенно-белый луч ударил точно в багровый провал раны. В этом мерцающем луче я работала одной левой рукой: кончиками пальцев нащупала край разорванной стенки сосуда, подвела зажим, сомкнула зубцы и перехватила артерию.

— Отпустила палец... Сухо. Шелк номер четыре на атравматической игле.

Мышечная память хирурга — великая вещь. Глаза могут обмануть во тьме, пальцы — никогда. Три быстрых узла. Кровотечение из магистрали было остановлено.

— Теперь инородное тело, — выдохнула я, чувствуя, как по виску под хирургической шапочкой стекает капля холодного пота. — Зонд.

Металлический пуговчатый зонд пошел вглубь заднего средостения. На глубине восьми сантиметров инструмент глухо звякнул обо что-то невероятно твердое. Пуля сидела в милли-

метрах от дуги поллой вены. Малейшее неловкое движение, соскальзывание пинцета — и вена лопнет, как перезрелая слива.

Я отложила металлический зонд.

— Окончатый зажим. Осторожно.

Тамара подала инструмент. Я завела изогнутые бранши под край металла, ощущая пальцами каждую микронеровность свинца, и мягким винтообразным движением потянула на себя.

Тяжелый кусок деформированного металла со щелчком выпал в эмалированный лоток.

В свете налобного фонаря пуля блеснула тусклой медью оболочки. Это была не обычная картечь деревенских браконьеров — тяжелая, искореженная пуля со следами нарезов. Назвать по ней оружие я бы не смогла: это работа эксперта. Но после слов Еремеича перед глазами стоял Виктор Зубов по кличке Клык, держатель нелегальных лесопилок и негласный хозяин района. В поселке его не раз видели с карабином «Вепрь» и оптикой.

Раненый на столе судорожно дернулся, веки его затрепетали, и сквозь кровавую слюну он хрипло, едва слышно простонал:

— Тетрадь... в ватнике... за подкладкой... стоянки Клыка... техника... не отдавайте...

Его голова запрокинулась, и он снова провалился в глубокое беспамятство.

— Бронхоспазм! — крикнула я, видя, как синее носогубный треугольник мужчины. — Ларингоскоп, трубку номер восемь, мешок Амбу!

Пока Тамара держала свет, я ввела клинок ларингоскопа за корень языка, отсосала скопившуюся слизь резиновой грушей и провела интубационную трубку в трахею. Ритмичные сжатия мешка вернули легким воздух — грудная клетка поднялась, цианоз начал медленно отступать. Я быстро установила дренажную трубку по Бюлау в шестое межреберье, опустив ее свободный конец в банку с фурацилином: в мутной жидкости сразу же забурлили пузыри сжавливаемого воздуха.

— Держи вентиляцию, Тамара. Я сейчас.

Оставив сестру качать воздух, я подошла к брошенному на табурет окровавленному ватнику. Ткань на левой поле была утолщена, молния заклинила намертво от набившейся лесной грязи. Я взяла брюшистый скальпель, одним длинным точным движением вспорола простеганную вату подкладки и нащупала плотный, обмотанный армированным скотчем сверток.

Сняв клейкую ленту, я увидела общую клеённую записную книжку в темно-синей обложке. На ее страницах химическим карандашом и шариковой ручкой аккуратным почерком механика были выведены списки: номера заводских дизелей трелёвочников, даты ночных отгрузок деловой древесины, координаты стоянок в урочище Чёрный Ключ и фамилии тех, кому передавались наличные пачки в конвертах. На внутренней стороне обложки стояло: «Кравцов М. С.». А первая же фамилия в списке выплат заставила мое сердце пропустить удар: «Зам. нач. РОВД майор Савельев В.И. — 400 000 руб.».

Я быстро сунула книжку во внутренний нагрудный карман своего хирургического костюма, застегнув молнию до упора. С этой секунды я перестала быть просто дежурным врачом. Я держала в руках приговор всей верхушке районной мафии.

И в этот миг тишину коридора разорвал чудовищной силы грохот. Входную дверь приёмного покоя выбили тараном — железный брус со скрежетом вырвало из деревянных гнезд, и по линолеуму вестибюля загремели тяжелые кованые берцы.

Глава 2. «Я заступил на смену»

— Сидеть тихо, вентиляцию не бросать, — одними губами приказала я побелевшей Тамаре Васильевне.

Я метнулась к внутренней двери операционной, захлопнула массивное полотно и накнула кованый крюк. В коридоре раздавались тяжелые шаги, ругань и звон разбитого стекла — незваные гости проверяли процедурный кабинет и регистратуру.

— Рябой, сюда давай! — донесся хриплый, прокуренный бас. — В операционной заперлись, суки! Высаживай филенку!

В полотно двери с глухим металлическим звоном врубился лом. Дерево треснуло, в воздух брызнула щепка. Еще удар — и доски подались внутрь, обнажая щель, в которую просунулась монтировка.

Вместо паники во мне поднялась глухая, обжигающая ярость. На моем операционном столе лежал беззащитный человек, чье сердце я только что удержала от остановки собственными пальцами. Отдать его этим зверям значило перечеркнуть все, ради чего я жила и дышала.

Я огляделась. На инструментальном столике стоял глубокий металлический лоток, до краев наполненный девяностошестиградусным этиловым спиртом, в котором замачивались скальпели. Я схватила лоток обеими руками и встала в полуметре от двери.

Дверь с треском распахнулась от удара тяжелого сапога. На пороге возник кряжистый мужик в камуфляжной куртке с надвинутой вязаной шапкой — Рябой. В руках у него был вороненый обрез двустволки шестнадцатого калибра, направленный прямо на операционный стол.

— Всем на пол, суки, зава...

Договорить он не успел. Шагнув вперед всем весом тела, я с размаха выплеснула лоток чистого спирта ему прямо в глаза и распахнутый рот.

Бандит взвыл, зашатался, зажимая лицо рукавом. Но палец его уже судорожно давил на спусковой крючок, и через долю секунды заряд картечи разнес бы операционную в клочья.

Из темноты коридора бесшумно, как бросившаяся рысь, выросла огромная фигура в расстегнутом форменном полицейском бушлате. Тяжелая мужская ладонь с железной силой перехватила спаренные стволы обреза, выворачивая оружие вверх, а жесткий удар кованого ботинка с хрустом впечатал колено Рябого в косяк.

Грянул оглушительный выстрел — сноп свинца и огня вырвал кусок потолочной штукатурки, осыпав нас белой пылью. Обрез со звоном выпал из сломанных пальцев бандита на мокрый кафель.

— Ложись! — второй боевик, низкорослый, верткий Чуня, выскочил из темноты коридора с длинным таёжным ножом в руке, целясь острием прямо в шею оперативника со спины.

— Сзади, нож! — крикнула я, сжимая в кулаке запасной брюшистый скальпель.

Мужчина в бушлате даже не обернулся. Он сделал короткое, невероятно экономное движение корпусом: поднырнул под занесенную руку с клинком, перехватил запястье нападающего в железный замок и одним слитным броском через бедро впечатал Чуню затылком в массивную чугунную батарею под окном. Раздался глухой стук, и бандит мешком осел на пол, выронив нож.

Все закончилось за четыре секунды. В операционной снова стояла тишина, нарушаемая только шипением дождя за выбитым стеклом и свистящим дыханием раненого.

Мое сердце колотилось где-то в горле. Врачебный инстинкт сработал быстрее рассудка: увидев кровь на виске сбитого с ног Рябого, я шагнула вперед, чтобы проверить реакцию врачей.

Твердая, широкая ладонь легла мне на плечо, останавливая на месте. Рука была горячей даже сквозь сырую ткань моего костюма, а хватка — спокойной и непоколебимой, словно гранитная плита.

Щелкнули наручники. Оперативник защелкнул стальные браслеты на запястьях Рябого, приковав его к стояку отопления. Затем он медленно выпрямился во весь свой огромный рост — широкие плечи, расстегнутый ворот форменного кителя, темные внимательные глаза под густыми бровями и глубокий рваный шрам, идущий от скулы к подбородку, ничуть не портящий его сурового, породистого лица.

Он посмотрел на мои окровавленные по локоть руки, на перевернутый лоток, на ровное дыхание пациента на столе, и в глубине его темных глаз на мгновение мелькнуло нечто теплое и безмерно уважительное.

— Назад отойди, доктор, — произнес он негромким, глухим басом, в котором звенела спокойная сталь. — Я заступил на смену. Капитан Алексей Громов, уголовный розыск.

Я перевела дыхание, чувствуя, как немеют колени. Впервые за все те месяцы унижений и предательства в областной больнице, когда столичный жених трусливо прятался за спинами начальства, передо мной стоял мужчина, за чью спину можно было встать без малейшего страха.

Громов наклонился к стонущему Рябому, схватил его за воротник и приподнял над полом, как нашкодившего щенка:

— Кто во дворе? Сколько стволов? Говори, пока я тебе второе колено не вправил.

— Пошел ты, Громов... — сплюнул кровью бандит. — Клык мост перекрыл... Савельев вас в дежурке похоронит... Отсюда вам живыми не выйти!

Капитан коротко усмехнулся, ловко обшарил карманы бандита и вытащил портативную рацию с длинной гибкой антенной. Динамик зашипел, и сквозь треск помех раздался нервный голос дежурного по Береговскому РОВД: «Сорок пятый, ответь десятому! Савельев на проводе. Громова валить на месте, свидетель не должен доехать до области!».

Громов молча выключил громкость и сунул рацию в свой карман. Его скулы закаменели.

Пока он отворачивался к двери, я переложила пулю из лотка в пустой стеклянный флакон, закрыла пробкой и убрала в нагрудный карман рядом с книжкой.

— Значит, дежурка продана целиком, — констатировал он без удивления, словно давно ждал этого удара. Он повернулся ко мне: — Доктор, больного на носилки. Уходим через пожарный пандус к реке. Времени три минуты, потом двор оцепят.

— Он не выдержит эвакуации без капельницы! — твердо возразила я, глядя ему прямо в глаза. — Плевра дренирована, подключичный катетер требует постоянной инфузии. Если оторвется лигатура при тряске — он захлебнется кровью за сорок секунд.

Алексей посмотрел на меня в упор, оценивая каждое слово. Он мгновенно взвесил риск, действуя на опережение:

— Значит, едешь с нами, — отрезал капитан. — Держишь капельницу в салоне. За твою жизнь отвечаю головой. Тамара Васильевна, готовь боковой шлюз!

Пока Громов приковывал Чуню вторыми наручниками к чугунной станине автоклава, из бокового шлюза вошла дежурная сестра, до этого прятавшаяся с санитаркой в перевязочной. Тамара передала ей больного и коротко велела оставаться у стола; Громов прикрыл дверь, проверив коридор. Только убедившись, что Кравцов не остался один, я шагнула за Тамарой к выходу из операционной:

— Полина Андреевна, стой! В тайге твой больной до утра не дотянет. У капитана в аптечке — один индивидуальный перевязочный пакет да жгут. А у Кравцова солярка в плевре была, начнется септический плеврит — сгорит за сутки! Нужны антибиотики резерва и фактор свертывания!

— Где они? — быстро спросила я.

— В материальной комнате цоколя. Но там железная дверь на замке, а начмед перед отъездом личной сургучной печатью шкаф опечатал. Сказал — строгий учет для окружного склада!

— Плевать на начмеда и его печати, — ответила я, вытирая руки стерильной салфеткой. — Ключи есть?

— Дубликат у меня в кармане фартука спрятан...

Мы выскользнули в темный коридор цокольного этажа. Здесь пахло сыростью подвала, заготовленной на зиму квашеной капустой из больничного пищеблока и холодной землей. Сверху, со стороны вестибюля, доносился треск ломаемых дверей — к больнице стягивались остальные боевики банды.

Внезапно впереди по коридору полоснул луч карманного фонаря. Послышались тяжелые шаги — третий подручный Зубова осматривал хозяйственные отсеки.

Тамара среагировала мгновенно: вцепилась в мой рукав и втянула меня в узкую бельевую нишу, закрытую плотной брезентовой шторой. Мы замерли, прижавшись друг к другу спинами. Сквозь ткань шторы было видно, как луч фонаря скользит по кафельным стенам, выхватывая паутину и ряды пустых носилок. Бандит прошел в трех шагах от нас, грязно выругался сквозь зубы и толкнул дверь в котельную.

— Чисто... бежим, — прошептала Тамара.

Мы метнулись к глухой металлической двери материального склада. Тамара сунула старый латунный ключ в замочную скважину, повернула — и замок с сухим визгом заклинило. Ригель застрял на половине оборота, проржавевший от подвальной сырости механизм не поддавался.

— Заклинило... Всё, пропали! — в панике зашептала сестра, ломая ногти о ключ.

— Тихо, — я достала из кармана костюма плоский флакончик с вазелиновым маслом, который всегда носила для зондов. — Отойди.

Я щедро залила масло в щель личинки замка, подождала три секунды, навалилась левым плечом на край полотна, снимая напряжение с засова, и плавно, всем корпусом провернула ключ. Внутри механизма мягко щелкнуло, и дверь подалась внутрь.

В комнате стояли застекленные медицинские шкафы. На центральной полке красовалась бумажная лента с фиолетовой печатью начмеда. Тамара без колебаний сорвала пломбу ногтем, распахнула дверцы и вытащила со дна шкафа тяжелый пластиковый чемодан оранжевого цвета — аварийный противоударный реанимационный комплект.

— Вот он, родимый! — шептала она, бросая внутрь ампулы цефтриаксона, флаконы реополиглокина и катушки шовного шелка.

Мой взгляд упал на нижнюю полку, заставленную картонными ящиками. Под слоем пыли виднелась плоская картонная коробка с синей маркировкой: «Фактор свертывания крови VПa — НовоСэвен. 5 мг». Препарат стоил сумасшедших денег и официально в районных больницах никогда не числился — его присылали только по спецзаявкам для тяжелых коагулопатий при обширных полостных травмах.

— Тамара, откуда здесь «НовоСэвен»?

Сестра на секунду замерла, и в ее глазах мелькнула горькая, злая правда:

— А оттуда... Начмед наш в доле с Виктором Зубовым. На прошлой неделе для их таёжной базы списал целый ящик медикаментов, якобы «на утилизацию по сроку годности». Зубовы в Черном Ключе лагерь держат, людей калечат на нелегальных делянках, а наш иуда их латает... Бери его, Полина Андреевна! Если у Кравцова снова кровь хлынет — ничем другим в лесу не удержишь!

Я бережно уложила коробку с препаратом и флакон с растворителем в гнезда чемодана и защелкнула металлические замки.

Дверь в конце цокольного коридора с грохотом распахнулась. Тот самый боевик, услышав щелчок замков, стоял в проеме с монтировкой наперевес:

— А ну стоять, суки больничные! Куда добро потащили?!

Он рванулся на нас, замахаясь тяжелым железом. Тамара Васильевна, не раздумывая ни секунды, обеими руками сорвала с настенного кронштейна тяжелый углекислотный огнетушитель и со всей силой деревенской бабы швырнула его точно под ноги нападающему.

Бандит запнулся о десятикилограммовый баллон, взмахнул руками и со всего маху впечатался физиономией в бетонный пол. Я выдернула чемодан, вытолкнула Тамару в боковой проход к пожарному пандусу и захлопнула за нами стальную противопожарную задвижку, защелкнув засов.

Путь назад был отрезан. Впереди была только ночь, рев моторов и ледяной ливень.

Глава 3. Прорыв под дождём

На мокрых железных ступенях пожарного пандуса ливень хлестал с такой яростью, что перехватывало дыхание. Вода мгновенно промочила мой хирургический костюм, превратив хлопковую ткань в ледяной компресс, прилипший к лопаткам и груди.

Капитан Громов уже выкатывал каталку с Кравцовым через боковой шлюз. Раненого укрыли куском брезента, но стеклянный флакон инфузионной системы дрожал на хлипкой алюминиевой стойке.

Вдруг переднее колесико каталки со стуком провалилось в проржавевшую решетку металлического настила. От резкого рывка стойка капельницы надломилась, и тяжелый стеклянный флакон сорвался вниз.

Если игла выскочит из подключичной вены — начнется пневмоторакс или воздушная эмболия.

Не думая о себе, я ласточкой метнулась вперед, коленом с размаху ударившись о мокрое железо ступеней, и поймала падающий флакон левой рукой в пяти сантиметрах от пола, ослабив натяжение трубки капельницы. Правой я мгновенно прижала пластырь на шее раненого, фиксируя катетер:

— Держу! Игла на месте!

Громов среагировал молниеносно. Он подошел вплотную, нагнулся, уперся широким плечом под металлическую раму застрявшей каталки и одним мощным, звериным усилием спины выдернул станину из ржавой ловушки, подняв вес взрослого мужчины так легко, будто переносил ребенка.

— Тамара, принимай носилки снизу! — крикнул он сквозь рев ливня.

В этот момент из-за угла терапевтического корпуса, срывая колесами мокрый дерн, с ревом вылетел тяжелый внедорожный пикап с включенной на крыше мощной ксеноновой люстрой. Ослепительно-белый, безжалостный свет залил пожарный пандус, обнажив нас до мельчайшей детали.

— Вон они! Вали оперка! — донесся визгливый голос Дениса Зубова.

Из распахнутого окна пикапа высунулся ствол карабина. Грянул выстрел. Пуля со звоном выбила искру из перил пандуса в десяти сантиметрах от моего виска, осыпав щеку горячей окалиной.

Прежде чем я успела осознать смертельную опасность, Алексей рванулся ко мне, сгреб меня в охапку и накрыл своим широким телом, закрывая от прицела. Я почувствовала сквозь мокрую ткань его жесткие мышцы, запах оружейной смазки, табака и морозного пороха.

— В машину, живо! — его ладонь жестко пригнула мою голову к ступенькам.

Он в одно движение затолкнул носилки в распахнутый багажник своей темно-зеленой «Нивы», которую успел подогнать от лиственницы к подножию пандуса и подготовить для носилок, сложив задние сиденья. Тамара Васильевна снизу закинула спасенный оранжевый чемодан к ногам раненого:

— Уезжайте, сынки! Я через морг на поселок уйду, меня не тронут! Храни вас Бог!

Громов захлопнул заднюю дверь, впихнул меня на переднее пассажирское сиденье и сам запрыгнул за руль. Он ударил по газу, и работавший мотор взревел низким басовитым звуком тюнингованного таёжного вездехода.

— Пригнись к бардачку! — скомандовал Алексей, вбивая первую передачу.

Я прижалась лбом к холодной пластмассе панели, удерживая флакон с раствором над головой раненого. В заднее стекло «Нивы» глухо ударила пуля, но толстое стекло лишь пошло мелкой сеткой трещин, удержанное пленкой.

Пикап Зубовых с тяжелым стальным кенгурятником перегородил центральную аллею больничного двора, перекрывая единственный асфальтированный выезд на улицу Ленина. В лобовом стекле пикапа перекошенное от бешенства лицо Дениса Зубова казалось маской упыря. Они шли на таран, рассчитывая смять легкую «Ниву» в лепешку.

— Держись, доктор! — крикнул Громов.

Вместо того чтобы тормозить или пятиться, Алексей резко крутанул руль вправо, дернул рычаг ручного тормоза и бросил машину в управляемый занос по раскисшей больничной клумбе. «Нива» скользнула боком, вздымая фонтаны черной грязи, обогнула пикап по дуге и понеслась в глубину заброшенного больничного парка — прямо к старым пожарным воротам, выходившим на обрыв реки Быстрянки.

Ворота были заперты на амбарный замок и обмотаны толстой ржавой цепью. За ними начинался дикий, непролазный береговой откос.

Сзади с ревом разворачивался пикап бандитов. Из люка высунулся стрелок, длинная очередь вспорола мокрую траву позади наших колес.

— Алексей, ворота! — крикнула я, видя приближающиеся массивные лиственничные столбы.

— Бампер держит, — сквозь зубы бросил он.

Его рука мгновенно включила пониженный ряд раздаточной коробки и заблокировала межосевой дифференциал. Газ в пол. «Нива» взревела всеми четырьмя колесами и на скорости шестьдесят километров в час впечаталась правым углом переднего бампера прямо в опорный столб ворот.

Страшный удар бросил меня вперед, ремень безопасности врезался в ключицу. Но бампер служебной машины Громова оказался не заводской жестянкой — он был сварен из толстостенного стального швеллера. Столб с сухим пушечным треском переломился у основания, ржавая цепь лопнула, разлетевшись звеньями, и ворота рухнули в грязь.

«Нива» вылетела на обледенелую, раскисшую глинистую тропу, петлявшую над самым обрывом. Внизу, в двадцати метрах под нами, в темноте бешено ревела вспухшая от ливня Быстрянка, ворочая гранитные валуны.

Пикап Зубова выскочил следом. Тяжелая трехтонная машина за счет мощного двигателя начала настигать нас на прямой, прижимая правый борт «Нивы» к осыпающемуся краю обрыва. Я видела в боковое зеркало, как заднее колесо нашей машины срывает пласты дерна, улетающие в кипящую бездну.

— Они нас сбросят! — выдохнула я, глядя, как бампер пикапа равняется с нашим крылом.

— Не сбросят, — спокойно ответил Громов. Его лицо в свете приборов было абсолютно неподвижным, челюсти сжаты, в глазах горел холодный огонь матерого таёжного волка.

Впереди был крутой девяностоградусный поворот тропы в кедрач.

В тот самый миг, когда пикап пошел на боковой таран, чтобы вытолкнуть нас с обрыва, Алексей с силой нажал на тормоз и сбросил газ.

«Нива» юзом встала как вкопанная.

Тяжелый пикап Зубова, обладая огромной инерцией, пролетел вперед на мыльной глине. Зубов судорожно крутанул руль, но физика была неумолима: тяжелый передок внедорожника потерял сцепление и с грохотом соскользнул в глубокий дорожный кювет, наглухо сев на мосты в вязкую болотную жижу. Раздался вой буксующих колес и отборный мат Дениса, застрывшего намертво.

Алексей снова включил передачу, и «Нива» мягко, уверенно обошла беспомощно ревущего монстра, ныряя под густые, смыкающиеся ветви векового кедрача.

Погоня осталась позади. Вокруг сомкнулась глухая, непроглядная таёжная тьма, заглушаемая лишь ровным рокотом мотора и шумом дождя по крыше.

И тут меня накрыло.

Адреналиновый взрыв, державший меня на ногах последние два часа, внезапно иссяк. Мое тело пронзила такая дикая, неудержимая мышечная дрожь, что зубы начали выбивать дробь. Мокрый насквозь хирургический костюм леденил кожу, пальцы онемели и посинели, воздух со свистом вырывался из сведенных судорогой легких. Я пыталась удержать флакон, но руки не слушались, крупная дрожь сотрясала плечи.

Алексей покосился на меня. На широком участке колеи он остановил машину и быстро расстегнул пуговицы своего тяжелого форменного бушлата.

Одним плавным, удивительно бережным для такого огромного мужчины движением он снял бушлат и набросил его мне на плечи, запахнув полы на груди и укутав меня до самых колен.

Снаружи бушлат промок, но плотная подкладка хранила жар его тела. Он пах овчиной, кедровой смолой, свежим морозным ветром и терпким мужским духом — тем первозданным запахом силы и надежности, которого я никогда в жизни не знала.

Живое тепло мгновенно проникло под мокрую ткань, останавливая ледяную дрожь. Спазм в горле отпустил.

Машина снова покатилась по колее.

— Тихо, доктор... Всё позади, — глухо сказал Алексей, не отрывая взгляда от узкого луча фар в лесной колее. — Подыши. Ты молодцом держалась. Настоящий кремень.

Укутавшись в его бушлат, я продолжала держать флакон с раствором, а свободной рукой проверила под тёплой подкладкой молнию нагрудного кармана своего костюма. Клеёная книжка и флакон с пулей были на месте. Мы выжили. Мы спасли человека.

Впереди сквозь сосновые лапы показался просвет старой технологической дороги, ведущей к региональному шоссе. Но на выезде к асфальту, в двух километрах от нас, в ночи тревожно мерцали синие проблесковые маячки патрульных машин ОВД. Савельев перекрыл трассу, объявив нас вне закона.

Громов погасил ближний свет фар, оставив лишь тусклые габариты, и резко вывернул руль влево — на заросший мхом, заброшенный лесовозный волок, уходивший в самую глубь диких сопок.

— Дорога в город закрыта, — произнес он. — Едем на мою заимку. Там нас черт не найдет.

Спустя сорок минут глухого петляния по тайге «Нива» плавно затормозила на лесной поляне у кромки черной стены кедров. В свете подфарников возникли массивные бревенчатые ворота рубленого пятистенка.

Мотор смолк. Наступила первозданная, звонкая таёжная тишина.

И в этой тишине из-за забора заимки донеслось тяжелое, утробное, предупреждающее рычание огромного сторожевого зверя...

Глава 4. Таёжное гнездо

Глухой стук захлопнувшейся двери «Нивы» прозвучал в ночной тишине как выстрел.

Тайга вокруг заимки не просто молчала — она дышала тем особенным, морозным и настороженным покоем, который бывает в глухомани глубокой осенней ночью. Запах мокрой хвои, прелого листа и остывающего чугунного мотора смешивался с горьким ароматом багульника, поднимавшимся от болотистой низины у реки Быстрянки.

Я стояла у борта машины, все еще кутаясь в огромный, пахнущий овчиной и порохом бушлат Громова. Ноги в тонких кожаных туфлях мгновенно промокли в ледяной росе.

Из непроглядной тьмы под навесом дровяника бесшумно, точно серый лесной призрак, выступила массивная тень.

У меня перехватило дыхание. Это была не просто деревенская собака — огромная, широкогрудая западносибирская лайка чистого волчьего окраса, с мощным загревком и янтарными, светящимися в темноте глазами. Зверь встал между нами и крыльцом пятистенка, опустил тяжелую лобастую голову к земле, и из его груди вырвался низкий, вибрирующий рокот, от которого у меня внутри все похолодело. Это было не лаянье — так предупреждают матерые хищники перед смертельным броском.

— Варнак, на место! — голос Алексея прозвучал негромко, но с такой тяжелой, хозяйской властью, что пес замер, чуть прижав уши. — Свои, парень. Свои.

Капитан шагнул вперед, положил ладонь на жесткий загревок собаки, и Варнак шумно втянул ноздрями ночной воздух. Но его настороженный взгляд оставался прикован ко мне. Пес чувствовал на мне чужой дух — запах больницы, крови, лекарств и страха. Он снова глухо, утробно заворчал, переступая тяжелыми когтистыми лапами по обледевшим доскам мостков.

— Он чужих к дому не подпускает, — Алексей открыл заднюю дверь «Нивы». — Постой у борта, Полина, я носилки сниму. Сначала больного в тепло, потом знакомиться будете.

Я не стала прятаться за машину. Годы в ургентной хирургии приучили меня к тому, что зверь — будь то обезумевший от боли человек или таёжный сторож — безошибочно чувствует неуверенность. А страха во мне уже не осталось: он весь выгорел там, на простреливаемом пандусе под ледяными струями дождя.

Я сунула руку в глубокий внутренний карман своего медицинского костюма, нащупав завернутый в чистую салфетку ломоть черствого ржаного хлеба, который остался от вчерашнего несостоявшегося ужина в ординаторской.

Сделав медленный, спокойный шаг вперед, я опустила на корточки прямо перед собакой, оказавшись глаза в глаза со зверем.

— Тихо, Варнакушка... Тихо, хороший, — прошептала я тем мягким, бархатным голосом, каким всегда успокаивала испуганных детей перед масочным наркозом. — Мы свои. Мы с миром пришли.

Я протянула вперед раскрытую ладонь с черным сухарем. Пальцы мои были перепачканы засохшей кровью Кравцова, но рука не дрожала.

Лайка замерла. В ее янтарных глазах мелькнуло разумное, почти человеческое удивление. Варнак медленно потянул носом воздух у самых моих пальцев, коснулся горячим влажным носом кожи, а затем удивительно аккуратно, одними мягкими губами, чтобы не оцарапать клыками, взял сухарь с ладони. Сухой хлеб с хрустом переломился на его зубах. Тяжелый пушистый хвост пса качнулся раз, другой, и зверь с глухим вздохом прижался широким теплым лбом к моему колену, признавая во мне хозяйку.

— Надо же... — донесся из темноты негромкий голос Громова. В его интонации звучало не просто изумление, а глубокое мужское уважение. — К нему мужики с кордона за версту подойти боятся. А тебя признал с ходу.

— Животные чувствуют, когда руки спасают, а не бьют, — ответила я, поднимаясь и потрепав жесткое собачье ухо.

Мы взялись за поручни носилок. Раненый Кравцов был тяжелым, как мокрое бревно, голова его бессильно запрокинулась, дыхание оставалось частым и поверхностным. По дощатому настилу мы внесли носилки по крутым ступеням высокого крыльца в сени.

Пахло смолистым кедром, сушеным зверобоем, березовыми вениками и студеной колодезной водой из деревянной кадки. Алексей ногой толкнул массивную дверь, обшитую войлоком, и мы оказались в просторной горнице рубленого пятистенка.

Громов сразу задвинул кованый засов на двери, опустил тяжелую стальную щеколду и запер ставни на узких окнах.

— Всё, доктор, — выдохнул он, проверяя дверной засов. — Здесь мы дома. Сюда зубовские шакалы без пушки не сунутся.

Горница встретила нас стылым, сырым полумраком. Воздух в избе выстыл за сутки дежурства хозяина, но огромная беленая русская печь, занимавшая чуть ли не треть комнаты, все еще хранила в своей глубине слабое остаточное тепло вчерашних углей.

— Носилки на лавку у печи, ближе к свету, — скомандовала я, сбрасывая бушлат Громова.

Мой медицинский костюм мгновенно напомнил о себе: мокрая ткань липла к лопаткам ледяным пластырем, руки коченели. Но смотреть на себя было некогда. Носилки мы перенесли на широкий топчан, поставив дренажную банку рядом так, чтобы я видела её в свете лампы.

Кравцов захрипел. Из дренажной трубки, опущенной в стеклянную банку с фурацилином, вместо редких пузырей воздуха толчками пошла темная, почти черная венозная кровь. Уровень жидкости в банке поднимался на глазах: пятьдесят миллилитров, сто, сто пятьдесят... Рецидив внутреннего кровотечения. Видимо, при дикой тряске на ухабах во время тарана ворот сорвался пристеночный тромб или лопнула мелкая межреберная вена.

Лицо свидетеля стало землисто-серым, лоб покрылся липкой холодной испариной.

— Пульс сто тридцать пять, нитевидный, на сонной едва определяется! — крикнула я, прижимая пальцы к шее раненого. — Алексей, печь растапливай! Нужен кипяток и тепло, у него геморрагический коллапс начинается!

Громов действовал без лишних слов. За считанные секунды он забросил в топку охапку бересты, сухие березовые плахи, чиркнул охотничьей спичкой — и печь загудела ровным, басовитым пламенем, наполняя горницу запахом березового дыма и первого живого тепла. На таганок он водрузил закопченный чугунный бак с водой.

Я рванула к оранжевому чемодану Тамары Васильевны. Щелкнули замки.

Обычные коагулянты — викасол или дицинон — при таком профузном сбросе крови из плевральной полости были бесполезны: они действуют часами, а у Кравцова оставалось не больше десяти минут до необратимой остановки сердца.

Мои пальцы выхватили заветную картонную коробку с синей надписью: «НовоСэвен. 5 мг».

— Стерильный шприц на двадцать кубов, ампулу растворителя... — шептала я пересохшими губами, согревая ампулу дыханием, чтобы ледяной раствор не вызвал шока.

Я ввела иглу во флакон с лиофилизатом. Порошок рекомбинантного активированного фактора свертывания VIIa растворился мгновенно, превратившись в прозрачную жидкость. Сменив иглу, я подключила шприц прямо к катетеру в подключичной вене Кравцова и начала медленное, строго дозированное струйное введение.

С каждой минутой я видела, как работает медицинское чудо: темная лавина крови в дренажной трубке сначала замедлила свой бег, сменилась редкими сгустками, а затем сброс по дренажу прекратился вовсе. По краям раневого канала моментально образовался плотный

фибриновый сгусток. Пульс на сонной артерии стал наполняться, поднявшись до уверенных восьмидесяти ударов в минуту. Кожа мужчины начала теплеть.

— Удержали... — выдохнула я, опуская пустой шприц в лоток. Колени подогнулись, и я едва не осела на пол.

— Теперь инфузию цефтриаксона на физрастворе, — сказала я, поднимая стеклянный флакон с антибиотиком. — Но здесь нет штатива. Если держать флакон в руках, я не смогу поменять повязку.

Алексей подошел к столу. В руках у него блеснул раскрытый складной нож с тяжелым клинком. Он подобрал с пола сухое липовое полено, несколькими точными, скупыми движениями стесал кору, вырезал на конце глубокий косой паз под горлышко флакона, а затем обухом тяжелого таёжного топора с одного глухого удара вбил этот деревянный кронштейн прямо в паз между массивными венцами бревенчатой стены над топчаном.

— Примеряй, доктор.

Флакон сел в деревянный паз идеально, на высоте полутора метров от тела раненого. Капельная система мягко заполнилась раствором, и прозрачные капли побежали по трубке со стабильной скоростью шестьдесят капель в минуту.

— У тебя руки хирурга, Громов, — искренне сказала я, глядя на его самодельный кронштейн.

— У меня руки таёжника, — негромко отозвался он. Его широкая, горячая ладонь неожиданно мягко коснулась моего онемевшего плеча: — Всё, Полина Андреевна. Он стабилен, дышит сам. Теперь твоя очередь жить. Садись к печи.

Только сейчас, когда смертельная опасность отступила от топчана раненого, я почувствовала, в каком чудовищном физическом состоянии нахожусь сама.

Мокрый хлопковый костюм висел на мне ледяным саваном. Меня колотило так, что чашка с водой в моих руках звенела о зубы. Пальцы распухли, посинели и отказывались слушаться: пуговицы на куртке застряли в мокрых, стянувшихся петлях. Я безуспешно дергала мокрую ткань, чувствуя, как от бессилия и переохлаждения к горлу подкатывает комок злых, беспомощных слез.

Алексей молча подошел, мягко отвел мои окоченевшие руки в сторону.

— Не рви. Замёрзнешь насквозь.

Он достал из кармана нож, аккуратно поддел кончиком лезвия каждую нитяную петлю и в три секунды срезал нитки под пуговицами, ни разу даже кончиком стали не коснувшись моей кожи.

— За занавеской сундук, — он кивнул на ситцевую шторку, отгораживавшую спаль- ный угол горницы. — Снимай с себя все мокрое до нитки. Чистую одежду я уже положил на крышку. И выйду во двор за дровами, не бойся.

Он вышел в сени, прикрыв за собой тяжелую дверь.

За занавеской стоял тяжелый кедровый сундук, кованный черным железом. На его крышке уже лежала стопка сухих вещей: просторная фланелевая мужская рубаша в крупную сине-зеленую клетку и толстые, пушистые носки, связанные вручную из грубой собачьей шер- сти.

Сначала я вынула из нагрудного кармана книжку и закрытый флакон с пулей и положила их на стол. Потом за занавеской скинула с себя мокрую, пахнущую кровью и дождем одежду, бросив ее в угол на брезент, и натянула рубашу Громова.

Ткань была невероятно мягкой, сухой и пахла выглаженным на солнце льном, березовым дымом и смолистым кедром. Рубаша была мне безнадежно велика: ее полы доходили мне почти до колен, а плечи свисали, превращая меня в хрупкого подростка. Я закатала рукава в три оборота, чтобы освободить кисти, и натянула шерстяные носки. Колючее, живое тепло шерсти мгновенно охватило озябшие ступни, разгоняя застоявшуюся кровь.

Глава 5. Пока я жив

Я робко отодвинула ситцевую шторку и вышла к печи, смущаясь своего нелепого, домашнего вида.

Дверь из сеней скрипнула. В горницу вошел Алексей с огромной охапкой сухих березовых поленьев. Увидев меня у огня, он замер на пороге.

Его темный, усталый взгляд скользнул по моим укутанным шерстью щиколоткам, по тонкой шее, утопавшей в широком вороте его рубахи, по моим распущенным влажным волосам, падавшим на плечи. В этом взгляде светилось глубокое, благоговейное мужское уважение, неподдельное восхищение и та первобытная, нежная строгость, с какой хозяин тайги смотрит на спасенную им женщину.

— Тебе идет, Полина, — тихо, с легкой хрипотцой в голосе сказал он, сваливая дрова у печного устья. — Садись к столу. Силы тебе сейчас понадобятся.

Он достал из печи тяжелым железным ухватом закопченный чугунок. В воздухе поплыл такой густой, сводящий с ума аромат, что у меня перехватило дыхание: томленая в русской печи рассыпчатая картошка с сочной, тающей на языке лосятиной, диким луком и белыми таёжными грибами.

Алексей поставил передо мной глубокую глиняную миску, наполнив ее с горкой, и положил рядом толстый ломоть свежего ржаного хлеба с хрустящей корочкой и деревянную резную ложку:

— Ешь, доктор. Лось чистый, прошлой зимой на дальних сопках сам добыл. Чугунок со вчерашнего дня в печи стоял, сейчас разогрел. Мясо мягкое, как пух.

Я сделала первую пробу — и горячее, сытное блаженство разлилось по телу. Адреналиновый спазм в желудке отпустил. Я ела с жадностью человека, вернувшегося с того света, чувствуя, как каждая клетка наполняется тяжелой, животворящей силой. Алексей сидел напротив, подперев щеку тяжелым кулаком, и смотрел на меня с едва заметной, мягкой улыбкой в уголках губ.

Затем он снял с таганка закопченный чайник и налил в две кружки темный, янтарный взвар. Пахло сушеным брусничным листом, чабрецом, лесным шиповником и багульником. На край стола он пододвинул берестяной туюсок с густым, пахнущим разнотравьем темным таёжным медом:

— Сахар в городе остался. Мед бери. Дед колоды держал на солнечной поляне, пчела лесная, злая, зато мед чистый, как слеза.

Горячий терпкий чай окончательно снял внутреннюю дрожь. В теле появилась восхитительная, сладкая истома.

Я поднялась со скамьи, намереваясь собрать посуду и отнести миску к рукомойнику, но ноги предательски качнулись от свинцовой усталости.

Алексей мгновенно поднялся, перехватил мои ладони, мягко, но непрекрасимо усадил меня обратно на лавку:

— Сиди. В моем доме женщины после боя посуду не моют. Отдыхай, Полина.

Он подошел к кровати в прирубе, застеленной чистым лоскутным одеялом, взбил пуховую подушку, пахнущую луговым сеном, и откинул край простыни:

— Ложись. Кравцов под капельницей, дыхание ровное, я за ним присмотрю.

— А ты где ляжешь? — невольно спросила я, глядя на единственную широкую кровать в избе.

— Я на пороге лягу, — спокойно ответил он, доставая из угла тяжелый овчинный тулуп и бросая его на половицы у входной двери. Рядом он положил свой заряженный карабин и

проверил затвор. — Мое место здесь. Спи спокойно, доктор. Пока я дышу, никто в эту дверь не войдет.

Я легла под теплое одеяло, свернувшись калачиком. За стенами пятистенка шумел вековой кедр, где-то вдалеке вскрикивала ночная птица, а на пороге лежала широкая, несокрушимая тень мужчины, подарившего мне жизнь и кров. И с этой мыслью я провалилась в глубокий, целительный сон.

Я проснулась среди ночи не от шума — от непривычной, звенящей тишины.

В избе царил густой янтарный полумрак. Русская печь ровно дышала накопленным жаром, потрескивали остывающие кирпичи. Над кедровым обеденным столом тихо теплился крошечный огонек масляной лампадки, подвешенной к потолочной балке.

Кравцов спал ровно, его дыхание было глубоким, новой крови в дренажной банке я не увидела. Я ещё раз проверила его и только тогда отошла от топчана: до больницы он оставался моим больным, а не чудесно выздоровевшим человеком.

За столом в расстегнутом шерстяном жилете поверх рубахи сидел Алексей. В слабом свете лампадки его лицо с резкими тенями скул казалось высеченным из гранита. Он осторожно, с ювелирной бесшумностью протирал промасленной ветошью вороненные детали своего разобранного пистолета Макарова.

Рядом с разложенным оружием на столе лежали два предмета: закрытый стеклянный флакон с той самой пулей, которую я вытащила из плевры Кравцова, и темно-синяя клеёчатая записная книжка.

Я бесшумно спустила ноги с кровати, накинула на плечи шерстяной плед и подошла к столу.

Громов поднял глаза. Во взгляде не было удивления — он услышал мое пробуждение за секунду до того, как скрипнула половица.

— Не спится, доктор? — тихо спросил он низким, убаюкивающим шепотом.

— Свидетеля проверяла, — я присела на краешек скамьи напротив него, глядя на страницы раскрытой книжки. — Что там, Алексей?

Громов подвинул книжку ближе ко мне, указав пальцем на аккуратные столбцы цифр:

— Кравцов был старшим механиком на зубовских делянках. Человек дотошный, старой советской закалки. Здесь всё расписано по дням за последние два года: номера перебитых агрегатов трелёвочников, кубатура ворованного кругляка, каналы переправки леса в Китай через подставные фирмы в крае. И самое главное — три законспирированные стоянки техники в урочище Чёрный Ключ. Пять краденых лесовозов «Вольво» и два грейдера. Это десятки миллионов рублей, Полина. За такие деньги Зубовы вырежут весь район и глазом не моргнут.

Он перевернул страницу, где значились фамилии:

— А это — список тех, кто их прикрывал. Майор Савельев, замначальника нашего РОВД. Ежемесячно — по четыреста тысяч. Начальник районной лесоохраны. И ваш начмед тоже здесь... за регулярные поставки промедола и перевязочных для их боевиков.

— Господи... — выдохнула я, глядя на знакомые фамилии коллег. — Круговая порука.

— Они думали, что купили тайгу навсегда, — жестко произнес Алексей, положив ладонь рядом с закрытым флаконом. — Но эта пуля и книжка — их смертный приговор. Савельев это понял, поэтому и отдал приказ валить нас обоих на поражение.

Я посмотрела на его руки — широкие, с загрубевшими мозолями от оружия и топора, со следами старых пороховых ожогов. Мой взгляд скользнул выше, к расстегнутому вороту рубахи, где на правом плече и ключице белел глубокий, рваный, безобразно стянутый шрам от крупного осколка.

— Откуда это? — тихо спросила я, коснувшись взглядом шрама. — Под Шатом?

Алексей на секунду замер. Его челюсти сжались, в глазах мелькнула глухая, застарелая боль человека, видевшего то, о чем не рассказывают на гражданке.

— Восемь лет назад, — глухо отозвался он, откладывая затвор пистолета. — Горная застава. Нас накрыло минометным веером на выходе из ущелья. Командира срезало сразу. Я двоих пацанов-срочников на себе вытаскивал через перевал, три километра под огнем полз. Осколок от мины в плече застрял, кость раздробило. Зашили в полевом госпитале кое-как, без наркоза, шелком наживую... Потом штабные генералы приехали, медали себе повесили, а роту под списание пустили. Я рапорт на стол бросил и сюда уехал, в Береговое. Думал, от фальши спрячусь. Здесь тайга, здесь либо ты человек, либо падаль. Фальшивить тайга не дает.

Он замолчал, глядя на пламя лампадки. А потом поднял на меня свои пронзительные, темные глаза:

— А ты, Полина? Блестящий столичный хирург, золотая медаль, статьи в научных журналах... Что тебя в эту дыру загнало? Зачем ты от своей сытой жизни сбежала?

Мое сердце обожгло стыдом и горечью. Я опустила голову, глядя на свои переплетенные пальцы. Но лгать этому человеку, глядевшему мне прямо в душу, было невозможно.

— Жених был... — глухо начала я, и слова давались с трудом, словно я заново вскрывала старый, незаживший нарыв. — Доцент Колосов. Вадим. Мы пять лет вместе работали в областной клинической травматологии. Я два года вела клиническое исследование по восстановительной торакальной хирургии при сочетанных травмах. Ночами не спала, опыты ставила, диссертацию писала... А за месяц до защиты он просто переписал титульный лист на свое имя. Сказал: «Полечка, для моей докторской это нужнее, а ты женщина, тебе семья нужна, потом защитишься».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.